

Николай Елсуков

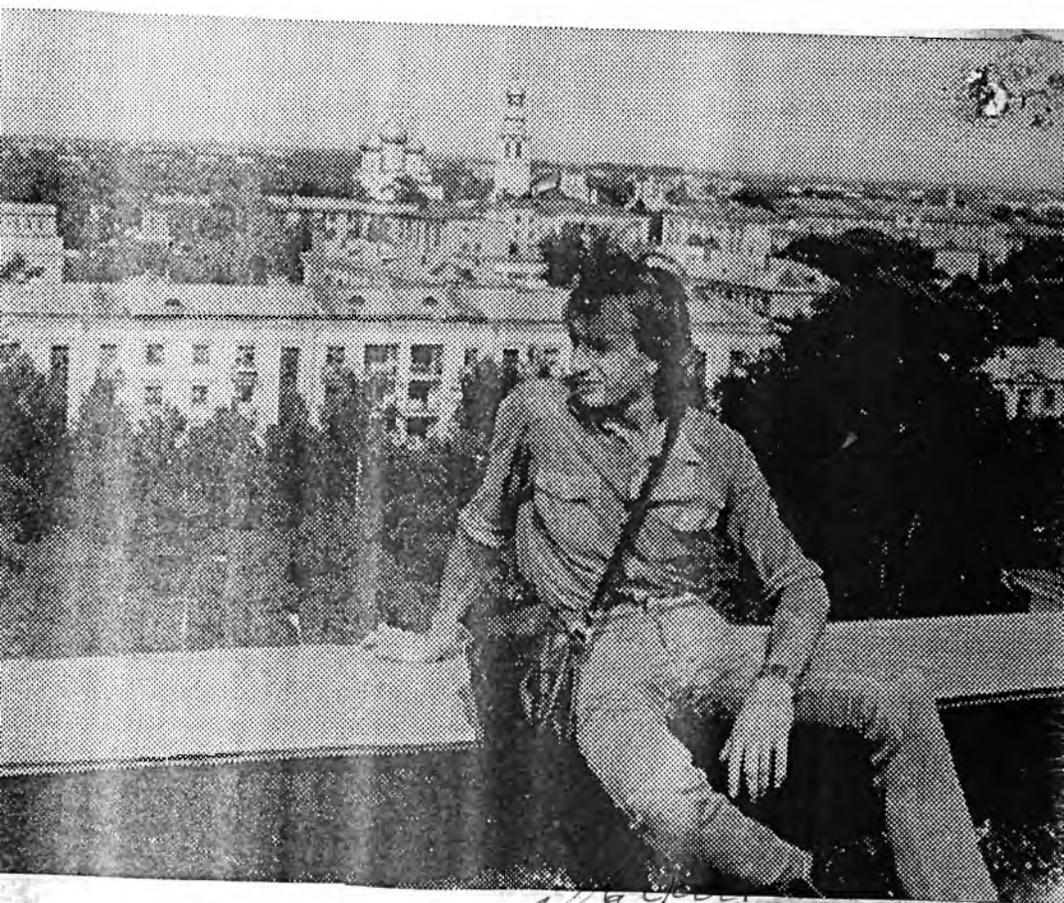
И СОН, И БРЕД...

**Николай
Елсуков**

И СОН, И БРЕД...

Книга посвящений

Вологда-Свеча-1996

Учителям Вольского
Областной библиотеки
с любовью
С. С.

СОСТОЯНИЕ СОЗНАНИЯ ПОЛЕТ
(формальный психоанализ)

В самом начале 80-х годов в Англии, да и не только там, была очень популярна группа "Madness" - "Безумие". Очень веселые ребята, новый стиль, в котором они играли - "ска", - передавали слушателю энергию "с безуминкой" и "заставляли голову лучше работать", как тогда писали критики. Потом у них вышел альбом под названием "Полное безумие". Я очень люблю "Безумие". Я также люблю Босха. В детстве я играл смирительной рубашкой... Когда читал Фрейда, узнал, что сны - это физиология. И грезы - тоже. Поэтому сейчас пишу про сборник стихов под названием "И сон, и бред ..."

В течение последних тридцати лет в русской советской вологодской литературе пролетели (и сейчас продолжают пролетать) целые косяки стихотворных сборников под названием "Журавли", "Жаворонки", "Глухари"... Стагнация помешательства на пернатых, "птичья болезнь" овладели пишущими - типун на язык тому, кто это опровергнет. Поэты признаются в любви к родине по обязательной программе подстановкой слова "журавли" в свои строки. Я люблю читать такие строки. Вспоминаю здесь Михаила Сопина с его фразой: "Безумию ума безмерно рад".

Вот и в этом сборнике радость, как эмоциональная категория, проявляется не раз, а точнее, упоминается 11 раз: "Камнем падающим прошу - "Научи радости".

Но вернемся к названию сборника. Николай Елсуков признается: "...конечно, это бред. По-вашему. А мне какое дело."

Воспользуемся инструментарием - передо мной лежит "Краткий психологический словарь".

БРЕД - не соответствующие реальности представления и умозаключения, в ошибочности которых патологически убежденного субъекта в их правильности невозможно разуверить.

"... я еще люблю свое страданье

Не помню - долго ли, но все мое во мне..."

Здесь нужно сразу признать наличие самоограниченной замкнутости, где все его, автора, в нем, все при нем. Вещь в себе. Говоря специфическим языком, "его программное обеспечение

заключено в оболочку без окон". "И сам Поэт (Вернее оболочка)..." - как пишет автор, признавая существование таковой. И ничье чужое понимание сквозь эту оболочку не проникнет.

Бред выступает симптомом многих психических заболеваний и творческих поисков, при этом его содержание может быть самым разнообразным.

"...Я бредил этим днём.

Я бредил всем, что было под рукою,
Но не хватало рук и не хватало глаз:"

Различают бред двух видов. При первом нарушается когнитивная (познавательная) сфера - поэт подкрепляет свое искаженное суждение рядом субъективных доказательств, объединенных в логическую систему

"...И вот тогда, побыв наедине
С обрывками прошедших ожиданий.
Я эту нелогичность обратил
В возможность сна, в котором Вы
Вполне могли бы мне присниться.

При втором виде бреда нарушается и сенсорная (чувственная) сфера - бред поэта носит образный характер с преобладанием грез и фантазий

"Со мной фантазия сыграла злую шутку":
твою долину грез".

В некоторых случаях бред, как творческий продукт поэта, сопровождается аффективными (с эмоциональными переживаниями) проявлениями страха, безотчетной тревогой, ощущением неясной опасности:

"Я понял, что такое вечный страх,
Когда проснувшись, страшно просыпаться.
Приходит смерть в своем нелепом танце..."

Наиболее интересен параноидный бред преследования, при котором поэт жесты и поступки окружающих истолковывает как "сговор, подачу знаков" и как их недружелюбное проявление.

"Страдания мои не принимают,

Признания понимают тривиально."

Или:

" По улицам моим идут другие кто-то."

Вот почему герой стремится убежать, скрыться и принять меры, пусть даже это будет бред самоуничтожения.

"Я уйду к зверям в последний путь,

Где оборотнем встречу пониманье..."

Любой психиатр знает, что всех видов бреда у больного одновременно не бывает. Только симулянт может перестараться. Ясно, что в данном случае это игра в бред, игра в историю болезни, как бы симуляция полета на тренажере, где обучают летчиков в условиях, максимально приближенных к реальным.

Однако не все так просто. Дело в том, что все сказанное не противоречит и другому виду бреда - "сверхценных идей", как⁽¹⁾ говорят психологи, при которых реальная жизненная проблема приобретает в сознании психически здорового поэта (надо понимать - не больного поэзией) чрезмерно большую сверхценную значимость.

Вот здесь Николай Елсуков нашел такую идею - сон, в котором он никогда не бывает один. Он бредит снами. Снов много, в этом читатель убедится. Он приглашает в свой сон только ему знакомого собеседника и общается с ним, делая ему посвящение или беря у него эпиграф. И сам о себе пишет:

"...Как я любовь ругаю

И забавляюсь снами..."

И даже если он, как пишет, уходит в полет, мы-то догадываемся, в какой полет во сне он уходит. Во сне могут приходиться гениальные мысли, или сумасшедшие, что одно и то же, или банальные, что бывает гораздо чаще. Языковое же изложение о впечатлении или происшедшем во сне чаще всего бывает "диким, неухоженным", хоть и точным, но сделанным небрежно.

А исправить его или отказаться от него совершенно невозможно, да и не нужно. Рука записала строки такими, какими они пришли. Я люблю читать именно такие строки.

Эпиграф - ключ, посвящение - двери, а год написания - отметка, зарубка о совершенном полете. И радость остается несмотря на то, что "годы рассыплются под каблуками", и

что "... любовь прошла".

Можно бы поставить точку, если б не еще одна психологическая тема - забывание, о которой автор часто упоминает. "Забыл родство и разум мирно дремлет", "Забылся и опять тебе пишу. (Я что-то слишком часто забываюсь.)", "Не помню - долго ли..." Зигмунд Фрейд в свое время обнаружил, что явления забывания связаны с механизмом вытеснения травмирующих аффектов и отрицательных мотивов, с которыми оказались связаны те или иные впечатления. Такие мотивы в этом сборнике есть.

Французский психолог Теодюль Рибо считал, что "состояния сознания, составляющие сонную грезу, необыкновенно слабы". Вот почему бред, эта тонкая материя, забывается, если ее не зафиксировать. Слабое это состояние вкуче с небрежным изложением создают неустойчивость, хрупкость материала и на основе этого претендуют на неподсудность, самодостаточность, самоценную, а в данном случае - "сверхценную значимость". (Жизнь есть жизнь, даже если это жизнь бредящего дистрофика, ее надо ценить и охранять.) Стихи можно и не печатать, но они будут создавать синдром "фантомной боли". Это уже что-то физиологическое. Автор дождался того момента, когда не издавать свои стихи уже невозможно.

Так литература принимает биофункциональное назначение, занимает место, которое в науке и искусстве называют маргинальной, пограничной зоной, стыком, прослойкой и т.д. Это мостик между реальностью и ирреальностью, это дверца в симулятор полета, это тренажер для стенографии снов и словарик для правописания, это оболочка, фюзеляж, где "все его при нем", и для которого посвящения - это навигационные огни, и, наконец, - это черный ящик, опять-таки навигационный журнал, дневник вахты пролетающего объекта, где вахтенный ... или спит или бредит от счастья или страданий, потому что ему больше ничего не остается, как только жить памятью, которая уже не различает за давностью сон и явь. Сон ли, бред ли...

С автором все-таки что-то происходит, но эти изменения как-бы в другом времени, или другом измерении, или другой области знаний и чувств.

"...Доверяю свои надежды Другому дню."

Видимо, тому дню, когда состоится полет.

Сергей Фаустов

Образы

Успеть, прикосновеньем не спугнуть,
И снова толщи тьмы сквозь толщу призмы...
Миазмы в воздухе и мышечная жуть
Мгновенной смерти или вечной жизни.

Далекая зима и парадиз
С танцующими нимфами и фавном
Где в глыбе льда рождался мощный бриз
Седых основ и снов о самом главном.

Где поражала формами любовь
И чаши наполнялись ожиданьем,
Смешалось все - и золото, и кровь,
И соль, и слезы. блеск и покаянье...

...Вот мистика, вот сумерки души
В невероятность вскинутые руки.
И... залпы звезд по башне тишины,
Лениво формирующейся в звуки.

1989.

Посещения

Б.П.

1

Опущенные веки, натюрморты
 (Точнее: опрокинутый хрусталь).
 Привычный дух привычного комфорта,
 Табачный дым, дорожный инвентарь.
 Блуждание по сумеречным взглядам,
 По пустоте - падение без сил,
 Иллюзия церковного обряда
 В мерцании стеариновых светил.
 Как будто скучно (или показалось),
 Как будто одиноко, а с утра
 Хотелось жить, потом пришла усталость
 И тишину сменила пустота.
 Какая горечь! Стоит пожалеть
 О связи в Вечности, сведенной в вечность

Пустые дни, оправленные в медь
 Подсвечников, убожество фантазий.
 Воспоминания теряют всякий смысл
 При постоянстве времени и места,
 Где каждый день лишь календарный лист,
 Оторванный и в общем бесполезный.
 Теперь как будто скучно. Или нет?
 А показалось ли - теперь уже не знаю,
 Когда-то был уют, хороший свет,
 Теперь устало солнце. Понимаю!

Упало, расползлось по горизонту,
Окрасив часть пространства в киноварь.
Закат. Остатки натюрморта.
Опущенные веки. Дым. Хрусталь.

2

Загробное дрожанье хрусталя
Опущенные веки, натюрморты.
Неясно, у кого и с кем в гостях
Случайно забежал. Надолго?
Желанен ли и перед кем ответ
Держать за то, что жив - незван-негадан,
И что крючок не удержал пальто,
Что все совсем не так, не так, как надо.
Чужие склоки, хлопанье дверей,
Пристойные слова, глухие звуки.
И проходящий был всегда добрей,
Чем уходящие. Протянутые руки
К чему? Не ваш (ни свой, ничей)
Забыл родство и разум мирно дремлет,
Зациклившись на поисках ключей,
Сухие мысли падают на землю.

1990.

*"И так ли нужно мне, в конце концов,
Да, так ли нужно мне
В конце закатов, лестниц и политых
улиц*

*В конце фарфора, книг и юбок,
шелестящих по паркету,
И этого, и большего, чем это..."*

Т.С.Элиот

Я молчу и мое молчание снится
 Всем, вот оно на лицах,
 На мостах разведенных , на улицах.
 Я нем.
 Я нем, чтобы не говорить плохо,
 Да и где слова...
 "РАЗВЕ ЭТО ТВОЯ ЭПОХА?"
 Это только чужая молва.
 Рот свело от немого звука.
 Спящей родиной правит скука,
 От Великой Стены до Великой любви
 Время полно немymi людьми.
 немеют рты от глухого вдоха,
 немеют рты, Больше нет в них прокала.
 Там,
 Где-то там,
 Где не так все плохо,
 Там знают слова:
 "РАЗВЕ ЭТО ТВОЯ ЭПОХА?"
 Не знаю. Опять молва.
 На планету наложено вето,
 А на планете избыток света
 Днем. На планете избыток тьмы.
 По планете идут волхвы...
 Обезображены дни отчаяньем,

Обезображены рты молчаньем,
 А из космоса веет печалью,
 Веет нежной печалью...
 Сквозь печаль, сквозь молчание
 Сквозь тьму пробиваются по одному...

Я молчу, я читаю слова:
 "Раз, два, три...Раз, два..."
 "Разве это твоя эпоха,
ДА РАЗВЕ ЭТО ТВОЯ ЭПОХА..."
 Дальше слов не хватает, плохо!
 Я не знаю язык зари.
 "Раз, два, три.."
 "РАЗВЕ ЭТО ТВОЯ ЭПОХА?"
 Помолчим! Постучимся в двери.
 Но нам отказано в недоверьи.
 Может быть, не туда стучим?
 Может быть, не тому кричим?
 Помолчим.

По темным улицам идут волхвы,
 Я вижу свет, где идут волхвы,
 Куда же идут...
 Было время, я знал столько слов,
 Было время... Теперь онемел и оглох...
 Мне ль рисовать молчаливых людей?
 Разве от этого будут родней?
 Разве от этого заговорят?
 Нет, не время рисовать молчаливых людей.
 "Разве это твоя..."

Разве это сильнее стократ,
Разве это выше тебя,
Разве выше меня, выше всех -
То , что тебя не понимает Век,
Этот непонятный Век.
То, что тебя не принимает Век, этот Век...
"РАЗВЕ ЭТО..."
Я слышу смех.
Плач непонятых - это смех,
Плач над мертвыми - это смех,
Над подпорками храма - СНЕГ ИДЕТ...
Настоящий снег.
Белый снег.

1991.

Другу

Убитый день пытается восстать,
 Но все уже свершилось, значит, можно
 Забыть его, крестом могильным встать
 Над ним, убитым, что не так уж сложно...
 Замашки Ваши позволяют быть
 Любим героем ваших сновидений,
 Прозрачным стать и даже убедить
 Своей прозрачностью... Еще одно мгновенье
 И ночь добьет ненужный героизм
 Дневных усилий и подступит к горлу,
 А звезды, преломившись в толще призм
 Рассыплются. Ни голубым, ни черным,
 Ни розовым уже не назовешь
 Ваш сон, он не имеет звука.
 Он был напуган новым днем, в который
 вхож

Любой проснувшийся. А Вы назвали другом
 Причины, породившей этот день,
 Убившей прошлый и вошла в привычку
 Игра с огнем, но травка-одолень
 Вас приняла опять в свои кавычки.
 О, этот день! И нет Вам места в нем,
 Но Вы его разделите по праву
 Оставшегося демоном кровавым,
 И звездным мальчиком, и солнечным
 лучом...

"Человек, который пел
Этой ночью за стеною..."

Н.Серебряков

Сон

Д.Х.

Соседи то взлетают в облака,
То падают, ударившись о звезды,
А бабушка глухая, вот беда -
Всю ночь в тоске и чувствуя нервозность
Уже не может классика вещать,
Она устала и ложится спать.
Сосед печальный, пролетая мимо,
Как тень Отца, запнулся о кровать,
Он тоже утомлен и хочет спать,
Не мучаясь вопросами Шекспира,
Он "сам с усам" и с ним бывает Лира
По вечерам...
Вот он уснул, пока луна
На тучи мрачные глядела
И бабушка во сне сопела,
Что нету худа без добра.
Он спит и видит чудный сон:
Он в хвойных зарослях, влюблен,
От счастья песенки поет
И булку черствую жует...
Он будет спать, пока жильцы
Не улетят во все концы

1991.

Мой горизонт загублен,
Мертвого не подьмлю.
С радостью лег бы в угли,
Лишь бы не лег он в землю.

И не смогу иначе,
Перешагнув лежащих,
Смерть недостойна плача,
Так же, как жизнь собачья.
Мерзнуть живым и мокнуть,
Мучить свое потомство,
Крахом своим оглохнуть,
Выжить, не видя солнца.
Пренебрегая мыслью,
Жить как нога захочет.
Пренебрегая жизнью,
Прятаться от пророчеств.
Дикая жертва ночи
Сто за одной иконой -
Дюжину перетопчут.
Восемь десятков - в зону.
Кто же тогда родится,
Если оставить спящих?
Будут подобны птицам
Скованно говорящим.
Сколько ушло к закату?
Сколько не вернулись?
Сколько уже патлатых
Бритыми обернулись?
Все принимают силу,
Все прославляют волю.
Кто поднимает вилы,
Кто убегает боли.
Все объективно, даже
Смерть за шмоток навоза...
Кто ты, презренный враг?...
Как мы с тобой похожи..

Непролазный, непросветный закат,
Без прохода, ни вперед, ни назад.
Только б сердце не спалить, не успеть.
И с пробитой головой можно петь.
Можно биться - можно лечь и лежать.
Можно спать - но кто же будет летать?
Понял - сердце невозможно убить,
И с простреленной душой буду жить.
Сколько жизни, сколько сил, не пойму.
Не дают покоя руки уму,
Не дают покоя руки глазам...
Эти муки никому не отдам.

1985.

Пена дней

Как вышел утром на балкон,
Омытый теплой кровью в ванной
Так сердце выбросило вон
Свои лучи из рваной раны.

Раздался сумасшедший гам
От воплей рушащихся зданий.
Кровь полилась из ванной в храм
Для наших будущих желаний.

Помчались призраки вперед,
Бросая головы со склонов.
Бутылки сыпались на лед
И в водке утопали жены...

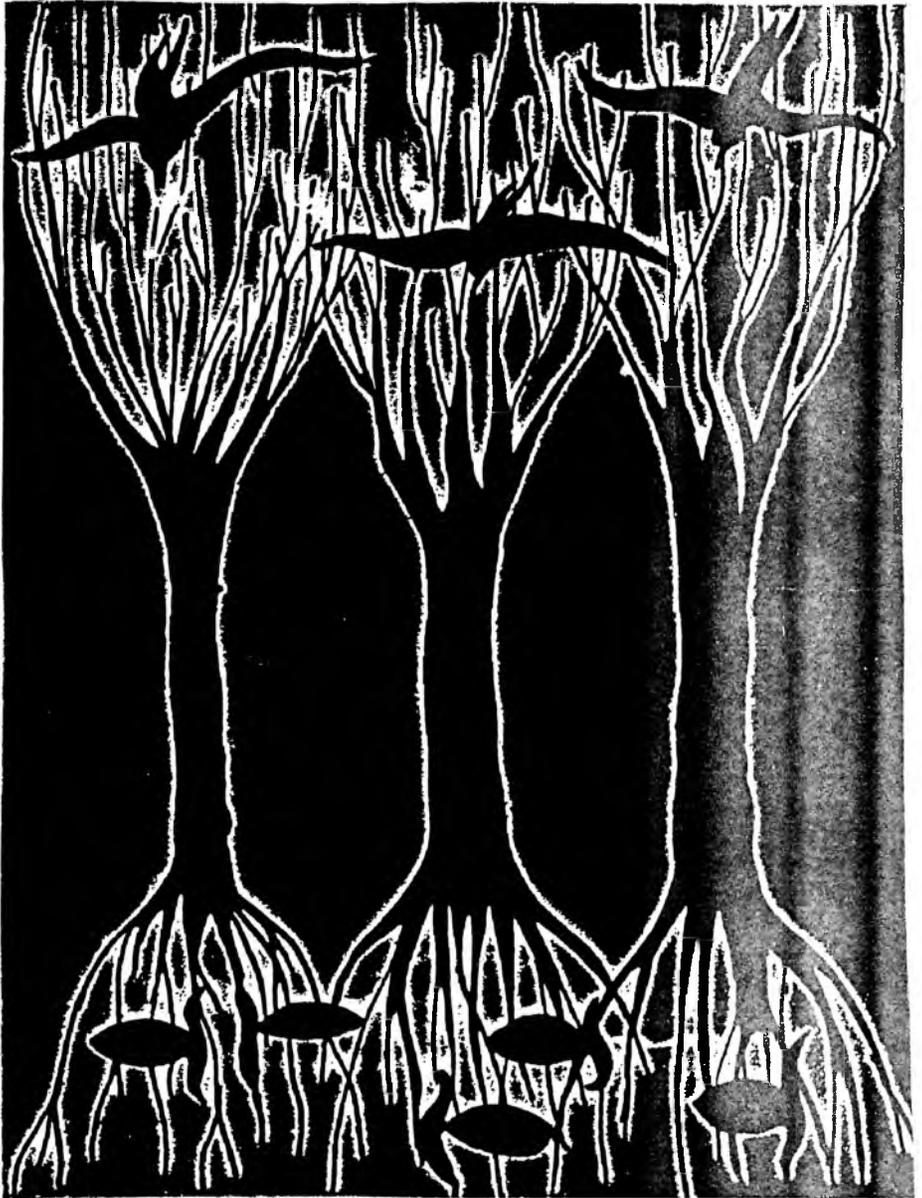
Придет боец с передовой
Поднимет бомбу над башкою...
...Все завершается со мной -
Я уйду в свои помои.

1994.

Утопия

Стояли. взявшись за руки
Смотрели диво дивное -
Как камень с неба падает,
И думали наивные:
"Вот упадет на голову -
На этом все закончится.
Вся наша жизнь убогая -
И сбудутся пророчества"
А камень не послушался
Их дум - упал за речкою.
(Кому ж охота мучиться
Грехами человеческими?)
Дивились люди, думали,
Да опускали головы.
Потом три раза сплкнули
И стали жить по-новому.

1989.

Остановись, пока еще есть время
Подумать, что и как, и бремя
Сомнений разбросав по мутным лужам,
Представить странно - ты кому-то нужен!
Так хорошо, оставив вечную мороку,
Предаться мыслям и дождю, и одиноко
Уставившись в оконное стекло,
Ловить проекции своих отображений,
Движений фонарей, движений
Вечерних призраков, наполненных дождем...
Вот образ твой в обнимку с сентябрем.
Я целовал намокшее виденье
Был рад тебе и твоему пренебрежению
Дождем, твоим губам, подброшенным в улыбке
И нежности... Возможно, по ошибке
Она проникла к этот лабиринт
Дождя... Я капли собирал, я был один.
Со мной фантазия сыграла злую шутку.
Но я не одинок, я только на минутку
Отвлекся и в сентябрьских миражах
Нашел себя, тебя в давно забытых снах.
Увидел и наметил эту линию -
Ты ждешь меня, ты там, за ширмой ливня.
И я стремлюсь к тебе... Сомненьями пропах
Озябший сквер, озоном и тоскою.
Один под ливнем и (как странно) под луною.
Как странно! И нелепая привычка
Стоять и мокнуть. Моросит с утра.
Карман набух и мокнущие спички
Рассыпались.

Ну все.

Теперь пора.

1988.

Два голоса

О.С.

Два голоса на параллелях
Навечно - ввысь.
Нам никогда не разминуться
И не сойтись.

Мы свято верим в то, что знаем -
Огонь и лед.
А может, будешь ты чужая?
Наоборот?

Два голоса на вертикалях
Не врозь, а связь.
Пусть не получится, сверкая, -
Уйдем, смеясь.

Но нить тонка и связь непрочна
В людской толпе,
Сожмется в атом, будем - точность
В одной строке.

Мы не расстанемся - расстаем,
Уйдем с луной.
И на прощанье прочитаем:
"Мне нравится, что вы
больны не мной..."

1988.

Строфы к новому

1

Ты дорогая! Не было дороже.
И вот наш мост и место в изголовьи.
Ты потреялась - верно, но похоже -
Ты выходила вместе с жизнью, с кровью..

2

Ты была лучезарна как солнце,
Но в глазах притаился закат,
И мои золотые червонцы
Под твоими ногами лежат...

3

Этот пламень был когда-то мною.
Ты не пришла... И я опять один.
И лишь глаза, знакомые до боли
В треске догорающих гардин...

4

Мои миры рассыпались по полу -
Почти ушел; а ты остановила...
...Я снова пал перед твоим престолом,
Но ты сказала : "Я тебе приснилась!"

5

Шатаются бетонные ступени
Под тяжестью моих дрожащих ног:
Опять, как будто на колени,
Упало сердце на порог...

1994.

Какое дело мне! Моих забот, меня
 На фоне этих дней не станет меньше.
 Нет времени, сомнений и огня,
 Безумной осени не ждать от декабря,
 Какое дело мне, что все могло быть легче.
 И нужно ли с надеждой вычислять
 Маршрут движенья, цепь случайных

столкновений

И как мне надобно объяснять
 Себя - другим. В водовороте мнений
 Искать зерно. Да что там говорить -
 Случайность далека от объяснений.
 Теперь бы жить! А так хотелось выть.
 Какое дело мне до ваших сожалений.
 Доверчив я, наверно, даже рад
 Последним дням нежданного блаженства.
 Я вышел напрямую - а назад?
 Там нет меня, там мне неинтересно.
 Нет дела мне до прошлых новостей.
 Превратностям обучен - понимаю,
 Что от меня не станет горячей,
 Быть может, потеплеет... Полагаю,
 Что все мои слова сойдут на нет,
 Вы можете прислушаться и смело
 Послать их к дьяволу - конечно, это бред.
 По-вашему. А мне какое дело.

1989.

Ольге

Забывай, забывай - перестань
Перестану тебя догонять.
Ты мне снишься у створки портала
И под утро уносишься вспять.

Твои веки, где сотни сомнений,
Не найду как иголку в стогу.-
Остаются твои отраженья
В зеркалах и следы на снегу.

Где искать? Ты всегда убегала
Из своих отражений, и вот
Ты мне снишься у створки портала,
Где меня поразил эшафот.

1994.

Ленинград

М.П.

Не увижу в залитых луной деревьях
Эту крышу.
Эту нишу в огромных словах -
Ненавижу.
Это выше,
Чем памятник-шпиль посреди
Площади,
И на набережной на полпути,
Камнем падающим прошу:
"Научи радости".
Камень-шпиль посреди площади
Медь-узды для его лошади.
Поезда в горизонт с проседью из тумана
Нет другого пути,
Нет надежды спастись от обмана.
Как понять, как вернуть, не обидеть,
Где прибавить звезд, где убавить,
Где споткнется о мрамор память,
Подскажи, как твое имя,
Где твой крест, где твое знамя.
Видеть научи, видеть...
Звезд твоих наберу - хватит до утра,
Лесом поутру, звуком топора проходя,
Стынуть на ветру.
Звезды схороню у дороги в тень,
Утром я умру...

Этюд

Привычное явление ниоткуда,
Все просто и обыденно, и чудо
Здесь ни при чем - никто не целовал
Ни рук, ни губ. Торчал луны овал.
Ночь медленно, но верно умирала,
Собаки пели в глубине квартала -
Наверное, луне, а может, нет,
Наверное, предчувствуя рассвет...
...Ах, не томите душу! От заката
Осталось так немного, что когда-то
Считалось горизонтом. Это твой
Предел, твой образ, он живой,
Линейный - здесь других не знают.
Проклятье дня, распушенность ночная,
Тебя вдавילה в темный силуэт.
Ты долго спишь. Почти полсотни лет...

1990.

Ты уносишь прохладу и запахи,
Оставляя тяжелую артиллерию,
При своем независимом статусе
Между пыльным окном и дверью.

Убываешь ты, удаляешься,
Впопыхах позабыв про главное,
Что деснице твоей карающей
Предстоит здесь работа славная.

Не заметить в ошибках разницу,
В расстоянии отстояния.
Раз не все, что задумано - сказано,
Раз все рушится в оправдание.

Все какие-то меры крайние,
Что-то вроде цветка и трактора.
И раскачивается здание
Аж от полюса до экватора.

Кровь иль слезы - какая разница,
Лишь бы вылилось и оставило.
Наверстать, сколько, можно к празднику,
Чтоб спокойно потом преставиться.

Не случайно наспех помечено,
Что пол-завтрака в холодильнике,
А пол-ужина будет к вечеру,
Чтоб делить его с собутыльником.

Никому не достанет радости
От такого пищеварения.
А в углах оседают запахи
И прохлада от появления.

Смотри вперед, тебе мои глаза
 Порукой - посмотри, послушай,
 Здесь все о чем-то, даже тишина,
 Которая сама влезает в уши.

Но нет звезды, но нет звезды пастушьей,
 Чтоб освещала эту тишину.
 Здесь все подвластно Лени или сну.
 Великой Лени и Великой Стуже.

1985.

Не осталось мне ни ночи, ни дня.
 Ты одна в глухой ночи без меня.
 Не шаги - прозрачный гул тишины,
 Не шаги - они теперь не нужны.
 И напрасна всех забот круговерть:
 Я теперь всегда один, я теперь...
 Ты не спросишь - "что ты ждешь,
 чем ты жив?" -
 Так же выдумав меня как забыв...
 Даже если быть с тобой - без тебя...
 Не осталось мне ни ночи , ни дня.

1985.

Е. П.

Забылся и опять тебе пишу.
(Я что-то слишком часто забываюсь.)
Но письма не идут в твою страну -
Ее границы строго охраняют.

Уходят дни несчастий и страданий,
Приходят дни покоя и печали.
Я писем жду, но их не написали,
А может, и моих не получали.

Мои моря давно покрылись льдами,
И звезды ничего не излучают.
Я обомлел под нежными словам
А сердце затерялось под ногами.

Страдания мои не принимают,
Признанья понимают тривиально
Я ухожу - меня не догоняют.
Все кончилось...
Красиво и... нормально...

1994.,

О.С.

Годы рассыплются под каблуками,
Звезды погаснут и троны падут...
Ты усмехнешься над вещими снами,
Старые сказки красиво умрут.

Так бы лететь, попирая стопами,
Толпы столетий и радости ночь.
Ты убегаешь в горячее пламя
Без остановок во времени - прочь !

Быстро сгорит то, что долго копилось,
В кратком огне наших лунных сонат.
Время уснуло и счастье свалилось
Мемориальной радугой в ад...

...Спрячь меня в тень под дрожащей рукою,
Выбери место под призрачный рай.
Пусть обожгусь я твоей теплотою -
...Я догоняю, а ты... убегай.

1994.

Я Вас люблю, как можно не любить
Источник вечной радости и боли,
Скопленья снов и ласковую прыть
Счастливых слез в орнаменте магнолий.

Вы искренне нежны и как всегда
Ласкаете нелепые подарки,
Забросив в беспорядке чудеса
Гаданий Ваших по небесной карте.

Вы вышли из стекла на Млечный путь
По выцветшим составам древних фресок
К большой любви, где можно отдохнуть
От вечных перевязок и компрессов,

От перевозданной Вашей белизны -
Румянец не упал на Ваши щеки.
Я падаю из липкой темноты
И Вы меня встречаете в полете...

Я Вас люблю с надеждой на Всегда,
Пусть время не коснется ваших линий...
Я помню, как исчезла та беда,
Где вы не утешали, а любили...

Бессмертны Вы и я бессмертен, но
Не так ли Рим погас, поверив в силу...
Сегодня я один смотрю кино,
Где Вы идете по стальным перилам.

Стук каблучков разбудит катаклизмы
И Ваши сны Вселенные обнимут.
Я Вас создал в стекле огромной призмы,
Произнеся три слова по латыни...

И.К.

Вы умирали смело и послушно
В надежном сжатии ласковых оков
Глубины Ваши обратились в сушу
И утонули в дебрях городов.

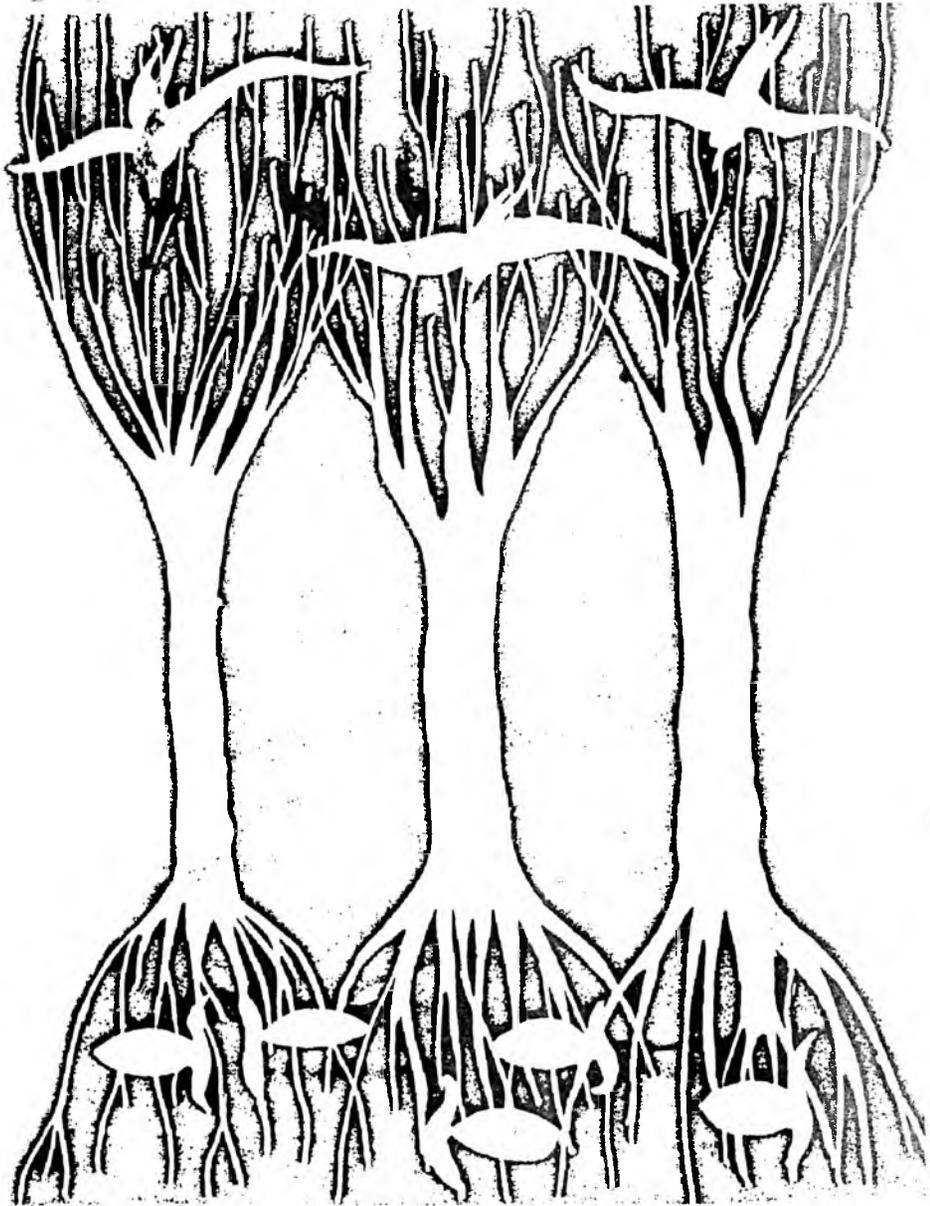
Вы смотрите с надменной красотой
Из отражений бесконечных призм,
Играя, Вы смеетесь надо мною,
Впадая в крайность Ваших антреприз.

Приходится поверить в нашу встречу
В коротеньком видении перед сном.
Погасли легкомысленные свечи
И Вы сидите за моим столом.....

Не дай мне Бог понять стремленья Ваши,
Чтоб суетою повернуть судьбу,
Я верю в рок измены Ваших красок
С намеком на святую простоту.

1994.

Москва. Февраль, сумятица и слякоть.
 Да тут еще бессонница и снег.
 Единственная мысль : уйти и плакать !..-
 В тот дом, в тот мир, в тот непонятный век...
 Здесь жил Поэт, из стольких мест изгнанник,
 И этот дом - душа его души.
 Душа теперь свободна от страданий
 И в доме не осталось ни души.
 А он стоит, и даже философски
 Относится к тому, что не снесен.
 Хотя кто знает... В этот век бесовский
 Кому есть дело? Впрочем, подождем !
 Здесь свечи, сны, черновики и тени
 Когда-то проживали, суета.
 Пух тополиный, запахи сирени,
 Простуда, утомленность, нищета
 И сам Поэт. (Вернее, оболочка.)
 Рабочий стол. Рабочее перо.
 Здесь бережно укладывались в строчки
 Слова и слезы. Прежнее тепло
 Теперь куда уместней и желанней
 Для этих стен, чем брошенный простор.
 Исчезло время в бездне ожидания,
 Ушел Поэт. Окончен вечный спор...
 ...Теперь то объективно, то пристрастно
 Примеривают к дому - щит ли ? Меч ?
 Не все ль равно - ему уже неважно,
 Какие нынче игры стоят свеч.
 Давно уже сомнительны названья
 Проспектов, улиц, древние дома
 Утратили былые очертанья,
 Привыкли к шуму-шум и суета!
 Довольно странно! Но кому-то нужно,
 Чтоб он не канул в этой пустоте.
 Облезлый цоколь. Дверь скрипит натужно,
 Косая надпись на облупленной стене:
 "В этом доме жила Марина Цветаева
 Потомки не разрушайте его"

Этюд № 2

Изломанные линии реки.
Привет - опять сюда из ниоткуда.
Вы можете не верить - будет чудо,
Когда из сора вырастут стихи.

Подумайте , кого вам опасаться,
Переходя из баров и кафе
К большой реке, в которой, может статься,
Утонет все. И будет ли тебе
Спокойно? Ощущенье чуда
Изгладится с последней каплей лжи.
Все возвратится. Только ниоткуда
Родятся города и миражи.

1993.

Прошла любовь, другая на подходе
 И я иду по нервной мостовой
 Пинать листву в края, где осень бродит,
 Где был всегда любимый и живой.

Избыток страсти - вечная преграда.
 Все кончилось и в мыслях нет тепла.
 Я бросил сам свою любовь в припадок
 Наивной страсти, где одна строка

Все изменила - Время, Расстоянья
 И спряталась в гряде несмелых нот...
 Но не от жизни - от существованья
 Устал и ухожу в полет.

В преддверии полета

Полет не состоялся - отменили
 Все самолеты, говорят - "гроза".
 А мы сидели, ждали и любили,
 Буфет закрылся и любовь прошла.
 Последний поезд перед непогодой
 Расстаял где-то в мокрой тишине.
 А я живу в преддверии ухода
 Надеждой улететь к своей звезде.
 Я вспоминал - Вчера в сплошном обмане
 И чуть не захлебнулся в этой мгле.
 Но я еще люблю свое страданье,
 Не помню, долго ли, но все мое - во мне...
 Полет объявлен! Я теперь узнаю
 Печаль тобой угаданных дорог.
 Войдет моя знакомая из Рая
 И я вернусь - обратно в небосвод.

Как хотелось улыбнуться
Проходящим отраженьям,
От несчастий отвернуться
И устать от сновидений.

Как хотелось жить в долине,
Где ручей и поле ягод,
Но лежу под снегом синим
Как уснувший старый мамонт.

Мне бы выйти за ворота,
Но завалены метелью.
Может, откопает кто-то,
Кто придет ко Дню Рожденья.

Может, вытащат наружу
И обложат сотней грелок,
Только нет звезды пастушьей
И для стужи нет предела.

Осыпаются сомненья
В календарные страницы,
Но молчит звонок у двери
И никто не постучится.

Только снег колотит в крышу,
В окнах мечутся планеты,
Снова кажется, что вижу
Ту же тень в полоске света.

Вновь пытаюсь дотянуться
До озябшего виденья,
Но оно исчезнет утром,
Растворившись в отраженьях.

Свободен! Расскажи, что я свободен
И повторяй хоть десять раз на дню.
Я вдаль смотрю обманчивой природе
И большего ни от кого не жду.

Не жажду мести,
Капли смысла бросил
К ногам твоим, но ты не подняла...
И остается мне скамейка, осень,
с в о б о д а - чтоб успеть сгореть дотла.

1994.

Аскеза

Тяжело любить созвездья
В кромешной мгле,
Лучше посиди, напейся
Наедине.
Раскидай советы за борт,
Пусть бог подаст.
Выбрось три шестерки кряду,
В последний раз.
Отмерь еще семь раз свободу
Своей судьбе,
Отрежь - потом уйди в природу,
То бишь - ко мне.

Забрось последнюю перчатку
В мое лицо.
Я знаю, больно - пусть будет сладко
Для подлецов.
Поверь, я знаю, теперь удержишь,
Крысиный рай,
Я заклинаю, ведь я бессмертный -
Не умирай..
Я принял вызов - сожму ладони
И все прощу
И ты достанешь - благословляю-
Твою пращу.
Убьешь, я знаю, что так и надо -
Убить затем,
Что я единственная преграда
Твоих проблем.
Но не единственная - отпускаю
А жизнь цепка.
Я устраняюсь и вот пустая
Моя рука.
Я умоляю - беги подальше
Своих грехов,
Пусть будет сердце как будто мячик
Под сапогом.
Уйдешь в неволю. Оставь бывшее -
Забрось во тьму
Несчастья, горе...
А я? - Не бойся, не утону.

1994.

Вечер в Утопии

Все будет и банально, и обычно;
Расстроится душа, устанет тело -
Я это нахожу до неприличья
Забавным, но довольно смелым

Я подойду - меня потянут к кассе,
К администрации, чтоб заплатил за место
Наверное, кому-то и нормально,
И мне приятно, даже интересно.

Возьму билет и опущусь в неволю -
Как это мало, как ничтожно мало!
Ведь я пришел как все приходят к морю,
Но нет его, как будто не бывало.

Хоть сумерки - нет от людей забвенья,
Никто не даст тебе остаться добрым.
Здесь иногда являются и тени,
Но я не тшусь явлением бесподобным...

Мне предлагают жизнь для созерцанья
И я смотрю в толпу ленивых кошек,
Что силятся дойти до пониманья
Красивых слов - что тоже под вопросом..

До неприличья честные коты
Устраивают кошкам мизансцены -
Даруют пониманье доброты
В преддверии последующей вины.

...Итак. Как просто вывернуть судьбу
Наружу и костюмы сбросить,
Чтоб я, пройдясь по битому стеклу,
Поверил в экзотическую осень.

И я поверю - что мне остается,
Я должное отдам усилиям вашим,
Хоть приходил сюда в преддверьи солнца,
А получил канистру простокваши...

...Возьму в буфете банку политуры,
Селедку - и размажу по стакану
Свой тост за предводителя халтуры,
Главу потенциальных хулиганов.

1994.

Уже привык к усталости зимы
И к откровеньям осени - не даром
Еще живу - во тьме, без тишины
Все отдаю навечно и задаром.
Давно живу во тьме и недалек
Мой час - однако сожалений
Не будет. Как он был высок,
Миг ваших поцелуев и мгновений
Безмерной радости... Так топором в висок !
Кричу еще. Да будет воля - слушай.
Я оглянулся - это был Восток
А мимо в гроздьях опадали души...
Но жив еще - сомнения при мне,
Хоть жизни останется одночасье.
...Я победил ! Но и тебе, и мне
Осталась боль и два осколка счастья...

1993.

Верлибр о сне

*То вверх, то вниз весов метнулись чаши,
Твое лицо луны взошедшей краше,
Но звезды вышли на простор небес,
Всем сонмом подчинясь ее главенству -
Помочь холодному несовершенству
Создать красе твоей противовес...*

Мурари

Л.М.

Мне сон приснился и проснувшись
Подумал - стоит показать Вам.
И стало так !
...Перебирал, что было под рукою
И начал складывать в придирчивом порядке
И вычитать... От светлых стен дверные ручки
Свои полеты и осколки утюгов...
Вселенные накалывал на кнопки
К дверям балконным... Было хорошо !
Помножил все на трехминутный дождик
И выбросил с балкона на асфальт...
Так полночь минула - и став совсем большим,
Я понял назначенья перекрестков
И многомерность утренней грозы.
...Забросил руки - звезды подобрал
И рассадил по четырем дорогам -
Ростки взошли и время прекратилось.
Засохли стрелки в этой тишине,
А циферблаты ухватились за надежду
Хоть что-то сохранить, но не смогли !
Итак, устало время, но свершилось
Все то, что так давно могло проснуться
И бросить в мир святые якоря...
Порозовели липы и ресницы
И изумрудом выплыли глаза
Из тишины, казавшейся слепую...

Родился Свет !
Из месива частиц я - скульптор -
Составлял твоё виденье,
Чтоб нежностью сирени расчесав,
Умыл тебя своей прохладой ветер
...И наводнение льняных твоих волос
И алый мак, и незабудки на коленях.
...Здесь колдовство бродило по дорогам,
Которые уснув, свились в клубок,
Чтоб пробудило их твоё дыханье,
Пыльцой засыпав капельки росы...
И Вечность прозвучала метрономом
Шагов твоих по прошлогодней пыли,
Когда-то называвшейся листвою...
...И вот тогда, побыв наедине
С обрывками прошедших ожиданий
Я эту нелогичность обратил
В возможность сна, в котором Вы ;
Вполне могли присниться.

1987 - 1994.

Как я уйду на волю,
 Как постучусь в оконце,
 Сяду за крайний столик
 Выпить бутылку солнца.

Как разливаю радость,
 Тем, кто меня рассудит:
 Как бы, качнувшись в старость,
 Не закачаться в юность ?

Как из стеклянной мерки
 Вылить разлуки в реки ?
 Как разрешить проблемы
 Лишнего человека ?

Как поймать на обмане
 Тех, кто терзает душу ?
 Я все равно узнаю
 И расскажу. Послушай !

Как тебе доверяю
 Пошлость свою и пламя,
 Как я любовь ругаю
 И забавляюсь снами.

И заливаю волю
 Каплями, что остались...
 Где мой последний столик ?
 Где мой рассвет бродяжий ?

1994.

Одному из...

Ты веришь в прошлогодний снег над крышей,
В прелестных птиц с рабочими когтями.
Мир создан! А тебя никто не слышит.
Не рой канавы грязными руками.

Бросаешься в тепло небесных сфер
А выпадаешь грязевым осадком.
Ты старый Бог в системе полумер,
Бог хаоса, точнее, беспорядка.

Никто не может и не хочет понимать
Неординарности последнего героя -
Ты был рожден, чтоб образы хватать
И убивать их ласковой рукою.

Теперь никто не встанет поперек,
Ты будешь сам искать свои объятия,
Как близок был, и как теперь далек!
Не давят на меня твои проклятья.

Ты очень смел в стремлении умереть,
Но эта смелость ничего не стоит,
И не махнет своей косою смерть,
Лишь грустно покачает головою.

1994.

Романс

*"Ах, улыбнись, в оставленных домах
Я различу на улицах твоих взмах..."*

И. Бродский

Ах, обернись, ах, обернись,
Взмахни рукой в последний раз.
Пусть будет вечер проливной,
Пусть не для нас, пусть не для нас.

Расстают в лужах фонари,
Пойдут кругами по воде
Ах, улыбнись, ах, улыбнись
Хотя бы мне, хотя бы мне.

Забудь, забудь, не вспоминай,
Все завершится, все пройдет.
Не уходи, не улетай,
Возьми с собой, возьми в полет.

Не уходи, не улетай.
Пусть разрушатся мосты,
Я буду ждать, любить и ждать...
Лишь только Ты, лишь только Ты,
Лишь только Ты...

1994.

*"Прощай, забудь и не обессудь
И письма сожги как мост..."
И. Бродский*

Прощай ! Меня не будет ! Позвони,
Найти попробуй или даже встретить,
Я далеко и не смогу ответить,
Так далеко, что ты пока усни...
Пусть эта успокоенность в сирени
Запутается складками плаща,
Рубить не надо - рубят сгоряча
И... ошибаются в рассветном преломленьи

Гудков, слепящих фар. И день за днем
Ты просыпаешься, разнеженная мыслью,
Что жизнь прошла, не будет больше жизни,
Есть только смерть, и к ней пойдем вдвоем -
С тобой, туда, где нас совсем не будет,
Закончатся надежды на потом...
А жизнь пойдет обычным чередом,
Где будут ~~лишь~~ воспитанные люди.

ЖЧТБ

1994.

*"Так, руки заложив в карманы,
Стою. Сияет водный путь.
- Опять любить кого-нибудь?
Ты уезжаешь утром рано..."*

М. Цветаева

Как хорошо, что кончилась зима,
Расстаял снег и мысли в облаках,
И дуновенье свежей красоты
Из города, в который едешь ты.

От одиночества оставленных квартир,
От сквозняков и лестничных перил,
Где наши встречи мокнут под дождем,
И мы с тобой промокшие идем.

В асфальте затемненной мостовой
Под желобами, льющими рекой
В разрозненных осколках старых снов
Уставших и уснувших городов.

Ты помнишь отголоски этих тем,
В молчании решившихся проблем
И вечное движение "взад-вперед"
С волнением, что никто тебя не ждет,

Что телефон молчит как истукан
И тени разбежались по углам.
Никто не остановит этих слез -
Несчастье под ногами растеклось...

Я вижу приближенье пустоты,
Ведь я не еду - едешь только ты.
Проводники уносят фонари,
Туда, где мы с тобою не смогли...

Простимся на перроне под мостом
На этом свете; встретимся на том,
Не брошу вслед последнее "люблю!"
А в привокзальном парке схожоню...

Как хорошо, что кончилась зима -
И парки, и вокзалы, и дома.
Все кончилось - апрельский хоровод
Не для меня. Меня никто не ждет !

1994.

Письмо к Л.Б.

*"Все равно ты не слышишь,
Все равно не услышишь ни слова,
Все равно я пишу,
Как ни странно писать тебе снова...*

(И.Бродский)

Все равно ты не та,
Ты не хочешь, не можешь вернуться
В те сады и леса,
Где я дважды с тобой разминулся.
Где осталось сто дней
Одинокого звонкого лета,
Голубых кораблей,
Поездов и звонок без ответа,
Виражей по дворам,
По кварталам, по свету, по тени,
По твоим адресам,
По слезам, по дождям, по затмениям,
От всего убежать,
Тосковать и не слышать вопросов,
Не уметь сострадать,
Ни любить, ни курить папиросы.
Хоть бы век, хоть бы год -
Все понять и всему научиться,
Чтоб о твой самолет
Не разбиться как глупая птица:
Ни понять, ни простить,
Ни поверить, ни выйти наружу.
Порвалась эта нить,
Соткалась во вселенскую стужу.
Я не знаю теперь,
Где ты, с кем, почему и надолго.
Сколько слез и дождей
Прокатилось по этим обломкам.
Но насколько светло
Мне тебя узнавать, обгоняя!
Все сбылось, все прошло,
Все равно ты меня не узнаешь.

Прохожу по Твоим
Городам как по скомканной карте.
Ты покинула их,
Удаляясь в моем авангарде,
Навсегда за собой
Оставляя свои отраженья,
Оставляя покой
И нездешнее тихое пенье.
Убегай, уходи,
Улетай, я не смею пытаться
Догонять миражи,
Вспоминая прошедшие танцы.
Как давно эта связь
Затерялась в космической пыли.
Все забыли о нас,
Даже мы, вероятно, забыли.
Но схоластика все.
Время лечит и я начинаю
Вспоминать с каждым днем
Многолетние версты и дали,
Как тебя находил
По ночам и терял каждым утром -
Сколько весен и зим -
Ошибаясь почти поминутно.
В этих ласковых снах,
Где ты так далека и прекрасна -
Там, где гаснет мечта -
Возникает красивая сказка.
Я не стану искать
За теньями осколки мгновений,
Все равно не догнать,
Попытаюсь привыкнуть к забвению,
Попытаюсь уснуть,
Только сны еще что-то решают.
Это правильный путь,
Только в нем ты жива , дорогая!

Вольный перевод Т.С. Элиота

*Если бы я полагал, что отвечаю тому,
кто может возвратиться в мир, это
пламя не дрожало бы, но если правда,
что никто никогда не возвращается
живым из этих глубин, я отвечу тебе,
не опасаясь позора.*

(Д.Алигьери, "Ад", песнь XXVII)

1.

Ну что ж, я пойду с тобой
В тот сон, тот рай, тот берег дорогой
Как в приступе под скальпелем хирурга
В тот свет итень спешащих и умытых улиц
К пустым бокалам и ошметкам устриц
Из маленьких бистро, кафе к притонам
Где страшно вспомнить о ночах бессонных...
Стакафы предлагают вечный спор
О пистолетах - рукоятъв упор
В висок и все, и кончились вопросы
Не спрашивайте ~~еще~~ очем....
Ну что ж, давай туда пойдём.

2.

Будет время, будет время...
Без сомненья все пройдет без дѣ
Как отрезки слишком длинного пути...
Мы будем уставать и удивляться...
Не знаю, понарошку иль всерьез
Дойдем туда. ласкаясь и играя,
Чтоб повстречать единственный вопрос
Нам не пристало в этом сомневаться
И что же мы? Не будем примеряться
К бутерброду с чашкой чая

3.

И вечер ставший ночью мирно дремлет
 И под моей спокойною рукой
 Пытается бессонный летний зной
 Лишить небес - о. вечное притворство -
 Но если осторожно, осторожно!
 Не нужно заходить за край возможного!
 Я не пытался. я страдал. молился,
 Теперь я знаю! Пусть теперь на блюде
 Меня доставят вам. О чуде
 Я больше не прошу - Мгновенье

- вспыхнул

Но кто-то... .. за столом хихикнул
 Короче говоря, я не решился

4.

И так ли нужно мне, в конце концов
 В своей любви, в подвале, в тишине,
 Где я навеки заключен тобою...
 Прости меня - моя вина во мне
 ...И я, смеясь, сминаю свой покров
 О Боже, весь в крови покров земной...
 ...Все кончилось, богиня, нет вопросов.
 Вот кто-то мрачный вышел в свет из гроба,
 Чтоб уплатить счета в конце концов
 Незначная. невинная особа
 Знаменье выдав призрачной рукой
 Вдруг скажет: "Это все не то в конце концов.
 Совсем не то."

5.

Я знаю их давно, давно их знаю
 Все эти вечеринки за углом, пустые дни
 Бывает. их стаканами, деньгами отмеряю
 Привычками прожитой болтовни
 Вот выпили и вот как будто спелись
 Так как же я осмелюсь?

6.

Их взгляды знаю я давно, давно их знаю
 Опять мои привычные кавычки
 Я сам их так, к гардинам прикрепя,
 Тоскую. корчусь, к небесам стенаю
 И снова чувствовать и плакать начинаю
 Ломать, обменивать и мысли, и привычки
 И как же я осмелюсь?

7.

И руки знаю я давно, давно их знаю
 Как их ласкал и трогал там впотьмах
 Забвенье находил в глазах и в волосах
 Я, может быть, от нереальности твоей теряю
 нить

Свои мечты твоей рукой перебирая
 И как же я осмелюсь?
 И как же я начну?...

8.

О, быть бы мне корявыми клешнями,
 Скребущими по дну немого моря...

1996.

Посмотри, как гаснут звезды, - сказал я ей
 Она не поняла, не оглянулась...
 А звезды гасли, тьма на них сомкнулась,
 Последний свет пытаюсь захватить,
 Последний блик в дрожании теней,
 Последнюю, чуть видимую нить...
 Прости, поверь - успел шепнуть я ей
 Она не поняла, не оглянулась
 К упавшим снам, чтоб подобрать. пригнулась,
 Стремясь надеждой новый свет открыть
 ...Но гасли звезды, гасли, хоть убей
 И я весь в них, полуживой, ничей
 - Раз ты не поняла, то мне как быть...
 Погасли звезды, все, и по одной
 Их воскрешать? Не больше ли теряя?
 Что толку в них - ОНА НЕ ПОНЯЛА!
 Пусть умирает тело, обнимая.
 Так много пережившая душа
 осколками уйдя в кометный рой...

... Все кончилось и больше звезд не будет
 Известны все господни имена
 Она не поняла. Пройдут века и люди,
 Уставши от инфляций и буден -
 Забудут Ту, Которая Ушла, Не
 оглянувшись...

Но гасли звезды, отражаясь в груди
 Корявых черепов, костей, клешней...
 Воскрес Иисус и памятник Иуде
 Воздвиг на стержне нашими руками
 Из чуждый звезд, что отдавали пламя,
 Протуберанцы обращая в студень...
 Она не поняла, не оглянулась

Забудем искры. Не родится пламя
 ...А звезды гасли, ~~з~~асли под ногами
 Чуть различимы ошущью, глазами,
 Подкожной шерстью, битой

ГОЛОВОЙ

Всегда вперед под ордена, под знамя
 Не все ль равно - она сказала:
 "Прости, устала, хватит, дорогой!"
 А звезды гасли и вселенная кончалась
 Пытались - ничего не получалось
 Чтоб все сложить, примерить и обнять
 ...Она вошла. впервые обернувшись
 И преклонившись, встретила мой взгляд
 Я долго ждал в своей нелепой позе
 Откинувшись в закат. почти без сил
 В простую цепь кольцо свое скрутил
 И в сумрак бесконечности подбросил
 Как Мебиус, почти что наугад

И прошептал стотысячное имя...

1996.

И только ночь насколько хватит глаз
Свежо и тихо - томная луна
Посеребрит с далеких призрачных высот
Чужие крыши, окна и подъезды
Все то, что возродившись, потерялось
и не вернется...
Итак, сезон закончен - все исчезло
Пустынны берега, и дни, ночи - пустынно...
Лишь прошлогодняя листва шуршит...

1996

Из ранних писем к Л.Т.

*Все равно я пишу,
но как странно писать тебе снова,
Но как странно опять совершать
повторенье прощанья...
Добрый вечер, как странно
вторгаться в молчанье.
(И. Бродский, Письмо к А.Б.)*

Сижу, белеет лист бумаги
Продадинами свежими кружа
Ложатся буквы, строчки, капли влаги
На белый лист как раньше, как всегда.
Не думал я, что вновь возникнет город
Из тех руин которые создал
Я сам и подступает резкий голод
По чувствам. Что не там, не там искал
Теперь по снам проходят гладь и дали
Которые не суждено пройти
Рождаются лишь капли на бумаге
Всем далям и бумагам вопреки

теперь, о том, о том, о самом главном
Ведь это лишь письмо - ты поняла?
Я остаюсь далеким, странным, ровным
Тебе одной. И пусть сгорят дотла
Те дни, что мы с тобою — рядом
Не знавшие друг друга и всегда
За разными столами, даже взглядом
Не удержать! И было бы тогда
Нам знать, что пенье за стеною
Нам даст причину повстречаться всеу
Тогда б не танцевали мы с тобою
И женщиною, той, что "мне б такую"

Прости меня, события усложняю
Расстались страстно той же каплей сна
По навесному мостику из рая
На нем и я один, и ты одна
Расстались! Повстречаемся, возможно,
Наверное в раю, все может быть
Я прилечу, пусть это будет очень сложно
Но даже это можно изменить
Прости, поверь,
Хоть на минуту можно
Проверить, что в конце была любовь...
Пусть все было, значит, осторожно
Нам относиться к этому и вновь...
Такая ты в извечном изменении,
Красивая и будничная в том,
Твоем, моем или расхожем мнении,
Но ты была и будешь только сном
...Ты вечная, тебя не понимаю,
Но ты была, и ты останешься во мне;
Последнюю возлюбленную с краю
Моих стихов и снов наедине.

1996

*Снег все идет... И вот уже никто
 Не ходит больше этою тропюю,
 Мне не найти на ней твоих следов...
 И чувствам прежним трудно не
 угаснуть...*

(Отикота Мицунэ)

Весенний парк, весенние аллеи
 Листовою прошлогоднею шурша
 Не знаю, сколько нынче будет мнений
 О том, что я один и ты одна
 Но ты бывала и с другими чаще
 Пожалуй, чем со мною и одна
 Твоя весна была еще прекрасней
 Всех тех других, не так ли? И всегда
 Твоя душа покрыта серой пылью
 Твоих машин, мужей, и всякий сброд
 Старается пройти по изобилью
 твоих дорог с восхода на восход
 И так ли страстно, так ли горько нужно
 твоей душе всех этих перемен...
 Как ты была красива и послушна
 В той колыбели из моих колен
 В том сне своем, что даже посторонний
 Не смог бы угадать твоей любви
 Прости! Теперь уроним и схороним
 Все то, что было счастьем вопреки...

С О Н Н Е М О Г О : Г О В О Р И Т Ь !

Стихи Николая Елсукова отражают пласты его жизни: сначала юношеская мрачность и ощущение конца света - это как бы первая глава. Но это лишь болото и рутинa, преддверие главных событий! Потом глава любви, самая тревожная и светлая, человек вырывается из кокона и сталкивается с другой вселенной - вторая глава. И наконец, прощание с романом и с самим собой прежним, третья глава. Вроде бы тоже печаль, но с ожиданием чего-то нового впереди.

Первые стихи Елсукова я прочитала в 1986. Это были толстые тетради с настроениями первой главы, металлопрокатные и жесткие конструкции. Но уже тогда пробивались среди них романтические ноты. Через десять лет, к 1997 году, их стало намного больше. То есть история лирического героя, как его принято называть - это история самого автора. Понятно, что жизнь его ломает. Но пока с ним происходили истории, он молчал. Даты красноречивее стихов говорят - вот это было до 1990; а вот это все после 1994. Был какой-то провал, после которого человека как прорвало. Вся третья глава написана практически за несколько дней. "Меня не было. Я... уезжал."

Горячечные монологи, которые обращены к разным людям, остались без ответа. Либо люди с ума сошли, либо это монологи немого. Он вне себя, а его никто не слышал. Либо это все бред, ничего не было, господи, проснитесь наконец!

Состояние бреда, в котором Елсуков существует и в быту, и в творческой ипостаси, оно самое тяжелое. Своего рода внутренняя самонадувалка. С одной стороны, правильно, все поэты сумасшедшие, а с другой - это же ограничение, как у той лошади, которая ходит по кругу. Даже свобода становится обманом.

И почему лучшие люди - имею в виду поэта как человека, наделенного талантом, потому и лучшего - обязательно должны быть безумными? Нет ли тут привычки русского человека к юродивым, к их обрывистым больным восклицаниям? Исторически или истерически юродивого часто принимают за пророка...

Многие стихи этого сборника возникали как посвящения, то есть личные письма к совершенно конкретным людям. Поэтому это откровения не всеобщего плана, да они на это и не претендуют. Зато они очерчивают и человеческий круг автора, и круг его авторитетов. Среди авторитетов - Цветаева и Бродский. Это не мода, глубочайшая привязанность. Но "писать под Бродского" так легко. Искать свое труднее...

Возможно, поэтические опыты Елсукова родились как раз на стыке этих высоких привязанностей и какого-то личного краха: Но без краха не может обойтись ни поэт, ни просто человек. Весь вопрос в том, как он из него выберется. Может, его раздавит, сделает недочеловеком, а может, закалит и возвысит. Тут и есть то всеобщее, ценное, что может пригодиться любому читателю.

Что до стилистики, то она целиком зависит от вышеуказанных обстоятельств: Поэт то намеренно рвет размер, то просто за ним не следит. То сбивается на уличный грубый язык, то поддается неодолимой власти классики. Как бредит. Но весь этот "сон и бред" - его большой шанс личностный и писательский. Потому что в основе его лежит не умничанье, а искреннее обжигающее чувство.

Г. Шекина

Содержание

Предисловие: Сергей Фаустов - СОСТОЯНИЕ СОЗНАНИЯ - ПОЛЕТ"	3
Образы.....	7
Посещения.....	8
Я молчу и мое молчание снится.....	10
Другу.....	13
Сон.....	14
Мой горизонт загублен.....	14
Непролазный, непросветный закат.....	16
Пена дней.....	17
Утопия.....	18
Остановись, пока еще есть время	20
Два голоса.....	21
Строфы к новому.....	22
Какое дело мне! Моих забот, меня	23
Забывай, забывай - перестану.....	24
Ленинград.....	25
Старые мечты - вольные мотивы.....	26
Этюд.....	27
Ты уносишь прохладу и запахи.....	28
Смотри вперед.....	29
Не осталось мне ни ночи, ни дня.....	29
Забылся и опять тебе пишу.....	30
Годы рассыплются под каблуками.....	31
Я Вас люблю, как можно не любить.....	32
Вы умирали смело и послушно.....	33
Москва. Февраль, сумятица и слякоть.....	34

Весна моя! Весна в полсотни дней.....	36
Этюд № 2(Изломанные линии реки).....	37
Прошла любовь, другая на подходе.....	38
В преддверии полета.....	38
Как хотелось улыбнуться.....	39
Свободен! Расскажи, что я свободен.....	40
Аскеза	40
Вечер в Утопии.....	42
Мне предлагают жизнь для созерцания.....	43
Уже привык к усталости зимы.....	44
Верлибр о сне.....	45
Родился Свет.....	46
Как я уйду на волю.....	47
От дороги.....	48
Теперь я понял, что такое пустота.....	49
Одному из..(Ты веришь в прошлогодний снег над крышей).....	50
Романс.....	51
Прощай!.....	52
Как хорошо, что кончилась зима.....	53
К письмам из Рима.....	55
Письмо к Л.Б.....	56
Вольный перевод Т.С. Элиота.....	58
Посмотри, как гаснут звезды	61
Как волны расстаются.....	63
Из ранних писем к Л.Т.(Сижу, белеет лист бумаги).....	65
Весенний парк, весенние аллеи.....	67
Послесловие.Г.Щекина - "СОН НЕМОГО: ГОВОРИТЬ!".....	68

ББК
84 Р7

Николай Елсуков "И сон, и бред..." Стихи.
(Книга посвящений). Тексты даны в авторской
редакции Объем 72 с.

Вступительная статья С. Фаустова.
Послесловие Г. Щекиной. Компьютерная верстка и
оригинал-макет "Свечи"

Издание осуществлено при участии городской
центральной библиотеки. Вологда. "Свеча" 1996 г.